

18+

Валерий МИТ

КАМЕНЬ МОЛЧАНИЯ

Рассказы
и
присказки разных лет

Валерий МИТ

**Камень молчания. Рассказы
и присказки разных лет**

«Издательские решения»

МИТ В.

Камень молчания. Рассказы и присказки разных лет / В. МИТ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851986-4

Иногда мне кажется, что достаточно поставить обычную точку на чистом листе, и перед ней в обратном порядке развернутся события, которые приведут именно к ней. Просто поставить обычную точку и уйти, а события пусть выстраиваются сами, и будь, что будет. И ведь выстроятся. Возможно, не так, как хотелось бы мне, но это произойдёт. Пустота не может быть не заполнена.

ISBN 978-5-44-851986-4

© МИТ В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы и присказки разных лет	6
Дежавю	8
Пространство и время	12
Странные мысли	15
Стать негодяем	20
Точка на листе	23
Безумный собеседник	25
Всё или ничего	29
Пакетик чипсов	34
Палка для селфи	39
Кузьмич	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Камень молчания

Рассказы и присказки разных лет

Валерий МИТ

© Валерий МИТ, 2021

ISBN 978-5-4485-1986-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы и присказки разных лет

Смысл жизни... – очень многие искали его.

И можно было подумать, что он один из немногих, кто его всё-таки нашёл, но это было не так.

Такие поиски бессмысленны, считал он, нужно просто двигаться вперёд – только это имеет смысл. Что же касается жизни – она самодостаточна, а значит, по своей природе сама уже является смыслом и искать здесь что-то ещё, только вводит в заблуждение себя и других.

Это была смелая мысль, и многие её не разделяли.

Ведь что получалось – живи, как живётся и радуйся тому, что имеешь. А как же тогда относиться к соседу, который имеет больше, если мы тоже этого хотим?

Просто двигайтесь вперёд по своей линии жизни, отбросьте суету и ненужные мысли, старайтесь не останавливаться и не делать ошибок, станьте больше, постигнув множество тайн и всё у вас будет. – Вы сами удивитесь, когда это произойдёт. И всего и всегда у вас будет больше, чем вы сможете вместить, советовал он.

Это для многих не объясняло ничего, вносило путаницу, ощутимых результатов не давало.

Как отбросить суету, если каждый день необходимо в неё погружаться? – Ежедневный ритуал – суета – движение по кругу – работа, дом, работа – и так без конца. И не вырваться, если хочешь выжить...

А во-вторых, как не делать ошибок? – Человеку свойственно ошибаться – этого не избежать...

И в третьих, что это за тайны такие, способные сделать жизнь лучше? – Они что..., нам денег принесут? – Тайны приносят деньги только мошенникам – нам такое не подходит...

И люди перестали его слушать.

Мало того, старались избегать, делали вид, что его вообще не существует – вычеркнули его из собственной жизни.

И тогда он ушёл...

Но кое-что из его мыслей осталось.

Невидимые они остались витать в воздухе...

И в один из дней сложились в рассказы, приведённые ниже.

Дежавю

Она долго что-то ему говорила и закончила свой монолог словом «Прощай».

Даже в этот момент он ничего не ответил.

Молча её выслушал, молча на неё смотрел, молча ждал, что будет дальше, еле сдерживая, рвущийся из души крик, понимая, что уже через мгновение она покинет его.

Для него не было никакого смысла ни возражать, ни пытаться её остановить.

Он знал, что она уйдёт всё равно, как знал, что уходит она не навсегда. – Пройдёт свой маленький круг длиной в два года четыре месяца и двадцать восемь дней и снова встретится с ним.

Глядя на неё, он уже видел момент их будущей встречи.

Знал, что это случится осенью в парке, под морозящим дождём.

Представлял её на скамейке одну, под разноцветным зонтом – всеми покинутую, отчаявшуюся и одинокую, не ждущую больше уже ничего и ни от кого.

Видел слёзы грусти в её глазах.

Видел и слёзы радости в момент их будущей случайной встречи – проблеск надежды во взгляде, робкую улыбку. Слышал даже её неуверенное – «Привет»...

Знать то, что знал он, было невысказано, но он знал.

Обладал даром или проклятием видеть в ускользающем потоке времени конечные точки цепи событий. Часто неосознанно, не так ярко, как сейчас, иногда только на уровне чувств. – Не все и не всегда. – Только те, что касались лично его – самые важные из них. Те, что, как он предполагал, относились к ключевым событиям его жизни.

Словно озарение в самый трагический момент, как вспышка во тьме, когда от боли почти потерял рассудок, когда не видишь ни смысла, ни направления, не знаешь, как поступить, что и как сделать правильно...

Это лишало слов, заставляло вглядываться, ловить ускользающие образы будущих событий, без всякой возможности хоть что-то изменить.

И он молча смотрел в её милое напряжённое лицо, на её губы, уже не ждущие его поцелуев, и не слышал почти ничего из того, что она говорила ему...

Ничего, кроме страшного слова «Прощай» – окончательного, как думала она. – Первого слова в цепи новых событий, как знал, он.

– Почему ты молчишь? Тебе всё равно? Ты, что, ничего не чувствуешь? – Скажи хоть что-то! – кричала она ему в лицо.

Но у него не было слов.

Чувства горькой волной уже несли его, кружа в стремительном водовороте, затягивая вглубь себя, а там..., ему уже открывалось будущее.

Он был и там, и не там.

Знал, что вне зависимости от его слов, она уйдёт всё равно...

И он молчал, зная, что она всё равно вернётся.

Видел...

Его способность и богатое воображение помогали ему, и перед его мысленным взором уже стояла картина...

Вернее..., две, наложенных друг на друга картины, два события, игнорирующие все мыслимые физические законы, презирая само время, происходящие одновременно на его глазах:

Стройная одинокая фигурка, светлые развевающиеся на ветру волосы, решительная, смотрящая только вперёд, скрывающаяся за поворотом, и она же, два года четыре месяца и два-

дцать восемь дней спустя, на скамейке в парке – плачущая, нерешительная, глядящая куда-то вниз, потерянная, не ждущая ничего и ждущая, видимо, его.

Две картинки, наложенные одна на другую.

Чёткие, исключая любые сомнения в достоверности...

Он мог их видеть, и ему было нечего ей сказать.

Для неё же, оставалось достоверно другое.

И переубедить её в этом не смог бы никто.

Для понимания ей нужно было проделать свой (определённый для неё кем-то) путь длинной в два года четыре

И она ушла, а он остался, видя, что в реальности всё происходит именно так, как он и предполагал. Знал, что её выбор был осознанным, что она прекрасно понимает, что её за поворотом ждёт.

Он же понятия не имел, что ждёт его. – Он мог видеть только конечные точки событий, но пропасть, что лежит между ними, для него оставалась недоступна. Ему ещё только предстояло заполнить её.

Он продолжал смотреть ей вслед, пока она не скрылась из вида, а потом развернулся и пошёл, сам не зная куда, подальше от неё – в противоположную сторону.

Приоритетов у него не было, желания отсутствовали, он был лёгок и безволен, скользил по поверхности событий, почти не задумываясь, где он и что происходит с ним.

Его даже не беспокоило, куда и зачем его несёт.

Первое время – месяц, два, три..., он думал только о ней, и это было всё, о чём он хотел думать.

Это убивало его.

Тяжело без конца думать о том, почему она от него ушла, почему его бросила. Пытаться понять, что в их отношениях сложилось не так, мучиться и не находить ответа.

Видеть снова и снова момент расставания и снова, и снова – конечную точку – момент их будущей встречи..., через бездну времени – два года, четыре месяца и ... – Почти бесконечность для него, в том состоянии, что он был. – Потерянный, выброшенный из потока жизни, без конца пытающийся понять, в чём был неправ.

В то, что неправ она – он сначала даже не думал. А когда подумал, только укрепился в уверенности, что она ни при чём. Ему потребовалось целых шесть месяцев, чтобы позволить себе задуматься об этом. И только тогда, медленно и постепенно, шаг за шагом, прокручивая бессчётное количество раз всё, что случилось с ней и с ним он начал понимать, что виноватых нет. – Просто так бывает, любовь иногда уходит от нас. Это очень печально, но вряд ли это возможно изменить.

Такое понимание тоже было для него достаточно мучительным, но, странное дело, его боль слегка отступила. Дала ему призрачную надежду со временем всё забыть и попытаться опять стать собой.

У него почти получилось. – Пусть не совсем, лишь частично, но он стал более свободен от неё, и, спустя ещё несколько месяцев, он смог познакомиться с другой женщиной.

Это принесло облегчение, но ненадолго.

Через короткое время он расстался и с ней, и, практически сразу, познакомился ещё с одной.

Женщины чередой проходили мимо него. Новые события бесконечной суетой кружили его в своём хороводе и спустя полгода такой жизни, он уже не мог себе чётко сказать, о чём так сильно когда-то страдал.

Ему стало казаться, что прошлое потеряно для него безвозвратно, что он сам давно потерялся на этом пути.

Но он ошибался – в тот момент, для него ещё ничего не ушло.

В глубине души, он всё ещё любил ту, что от него ушла, понимая, пусть неосознанно, что лучше её нет никого на свете.

Но она была далеко – недостижимый идеал, светлый образ, угасающая мечта и он понимал, что доставать этот образ из глубин своей памяти на поверхность не следует.

Но и не вспоминать её он не мог – слишком уж сильными были когда-то его чувства, слишком глубокие раны оставили они..., слишком бессмысленным было продолжение жизни после неё...

Жаль, что у нас всё кончилось именно так, иногда думал он. – Но с другой стороны, если быть честным перед собой, вспоминал он, рассчитывать было и не на что – она меня не любила.

Прошло ещё полгода...

А дальше, опять провал.

Он снова оказался близок к отчаянию.

Бессмысленное путешествие по жизни почти убило его.

Почти...

Но ему повезло.

И спас его счастливый случай, чудо

Так бывает..., в момент полного отчаяния, на краю пропасти, когда дальнейшее кажется неизбежным, судьба хватает нас за шиворот, разворачивает на 180 градусов и дарит ещё один шанс.

У него вышло именно так – в один прекрасный день он встретил новую любовь.

Или даже нет...

Так кажется только со стороны.

Он не встретил никакой новой любви.

Для него то, что произошло – стало единственной настоящей любовью.

Она пришла и всё, что было с ним раньше, стало восприниматься, как странный сон. В тот же миг его прошлое исчезло в туманной дымке и действительно почти перестало существовать, теряя с каждым новым днём своё прежнее значение.

Новое чувство заполнило собой всё вокруг, делая его невероятно счастливым. Его жизнь ускорилась, и на счастливых волнах времени его стремительно понесло дальше вперёд...

И однажды...

В один из своих счастливых дней он, как обычно, закончив свои рутинные дела, возвращался после работы домой. Вышел из метро. Свернул в парк под тень вековых деревьев.

Идти через парк было ближе – метров триста по извилистой аллее до дальних ворот, а за воротами ещё чуть-чуть вправо, вдоль ограды, до домов старой постройки.

Стояла ранняя осень, накрапывал дождь, но в предвкушении встречи с любимой, он его даже не замечал. Шёл достаточно быстро, а кроны деревьев давали ему некоторую защиту от дождя.

В тот день он немного задержался и возвращался домой позднее обычного.

Все, кто так же, как и он возвращались с работы через парк, давно прошли. Отдыхающих прогнал из парка дождь. Он оказался на аллее один. Свернув за первый поворот, в некотором

отдалении, на одной из скамеек аллеи он увидел одинокую женскую фигурку под разноцветным зонтом.

Внезапно осень дала о себе знать. Резким порывистым ветром пронеслась по аллее, швырнула в лицо мокрые листья, что небрежно походя только что сорвала, стряхнула с веток над головой капли воды – что-то попало и за шиворот.

Он невольно поёжился и снова взглянул на женщину на скамье.

Ветер разметал её волосы, пытаясь отобрать у неё зонт. Это ему не удалось. Свой зонтик она держала крепко, но спицы его каркаса вывернулись наизнанку. Зонт перестал служить ей защитой. Она безвольно опустила руки и, как ему показалось, заплакала.

Нужно помочь, решил он. – Всё равно иду мимо, а самой ей, судя по всему, не справиться.

Он подошёл ближе, но, не доходя нескольких шагов, остановился...

То, что он увидел, поразило его.

Он знал это чувство – воспоминание будущего – дежавю.

Ему показалось, что он уже видел эту картину. – Осень, моросящий дождь, скамейка в парке. Одинокая плачущая женщина с разноцветным зонтом в руке на этой самой скамье. – Та самая женщина, которая бросила его несколько лет назад.

Перед его мысленным взором на мгновение всплыло нечёткое видение в виде наложения двух картин. – Женщина, решительно огибающая угол здания, скрывающаяся из виду и она же, по-прежнему сидящая перед ним на скамье.

Он уже плохо помнил, что было когда-то, но у него мелькнула мысль, что уже тогда, давным-давно, он об этой будущей встрече знал.

Что-то шевельнулось внутри – большое и важное, собираясь выбросить его из реальности – напрямиком в прошлое, туда, где....

Это было ему неприятно и совершенно некстати, ведь он очень торопился домой. Пытаясь прогнать наваждение, он даже на секунду зажмурился и потряхнул головой. Ища поддержки, открыл глаза и взглянул вглубь аллеи, в направлении, куда вела его судьба, где чуть дальше, за следующим поворотом скрывался выход из парка...

И наваждение ушло.

Реальность вступила в свои права.

Он увидел, что нет никакой мистики – всё тот же парк, аллея, накрапывающий осенний дождь. Ничего необычного, если не считать чудом, невероятную случайность этой встречи.

Он снова взглянул на неё и понял, что она тоже узнала его.

Подошёл к ней.

Она робко улыбнулась и тихо сказала «Привет!»

– Привет, – спокойно ответил он. – Чем я могу тебе помочь?

Пространство и время

Если каждый день много лет подряд происходит одно и то же, любые даже самые незначительные несоответствия сразу бросаются в глаза.

Это маршрутное такси сразу показалось мне необычным.

Чем? – Трудно объяснить, но такое чувство возникло – Обычный пассажирский микроавтобус, возможно, чуть более потрёпанный, чем точно такие же на этом маршруте, вроде бы немного отличающийся от них оттенком окраски и...

А может быть, и не было в его облике ничего необычного..., а подумалось так только потому, что мне показалось, что именно этот микроавтобус я раньше никогда там не видел.

Мысль возникла и очень быстро ушла.

Я сел в маршрутку, передал деньги за проезд, прикрыл глаза и постарался уснуть.

Стояло раннее утро. Дорога предстояла длинная – из пригорода, где я находился, до Санкт-Петербурга было 30 километров пути, полчаса времени, если без пробок, а с пробками мог оказаться и целый час...

Итак, я старался вздремнуть, но уснуть не получалось. Когда сидеть с закрытыми глазами мне надоедало – я их открывал.

Дома, домишки, проезды и улицы между частными домами, примыкающие к шоссе, проносились мимо меня. Когда начинало рябить в глазах, я вновь закрывал глаза, пытаюсь в очередной раз погрузиться в сон, но сна, как и прежде, не было.

В один из таких моментов я почувствовал, что маршрутное такси остановилось, и я опять открыл глаза.

– Пробка! – объявил водитель. – Все до конечной? – Не возражаете, если я сверну? – Нужно заехать в одно место по пути..., заодно и пробку объедем, получится даже быстрее...

Я молча пожал плечами – если мы не теряли времени, я был согласен.

Остальные тоже молчали, и водитель повторил свой вопрос.

Я огляделся.

Странное дело, но все пассажиры, лица которых мне были видны – спали. Похоже, бодрствовал только я один. Мне и отдуваться, решил я.

– Согласны, – ответил я водителю, выражая мнение спящих пассажиров.

– Тогда поехали, – сказал тот.

Вырулил на обочину, проехал мимо стоящих на шоссе автомобилей. По достаточно глубоким ямам дополз кое-как до ближайшего бокового ответвления и свернул к частным домам. Петляя по извилистой дорожке, добрался до улицы параллельной шоссе и прибавил газу.

Улица оказалось пустынной, движению ничто не мешало, и он с каждой минутой разогнался быстрее.

В какой-то момент мне показалось, что маршрутка движется слишком быстро. Я отвернулся от мелькавших за моим окном домов, посмотрел на водителя с намерением сказать ему об этом, но вместо этого перевёл взгляд на картинку за лобовым стеклом. – Там, прямо по курсу и очень низко над землёй висело неправдоподобно большое Солнце, немилосердно слепило глаза, с каждой секундой увеличиваясь в размерах. Это выглядело невероятно, смотреть было больно, но я, прищурившись, всё же смотрел. Смотрел до тех пор, пока оно не заполнило собой всё – пока, как мне показалось, мы на своей маршрутке не оказались в центре его невероятного сияния. Золотистый свет заполнил собой всё, сделался нестерпимым, и я был вынужден всё-таки закрыть глаза.

– Ты как там, живой? – услышал я через некоторое время голос водителя.

– Вроде да, – ответил я.

Открыл глаза и увидел, что маршрутка остановилась. За окном в нескольких метрах от автомобиля стоял высокий глухой деревянный забор синего цвета с металлической калиткой. Сразу за забором просматривалась рыжая крыша какого-то дома.

– Я быстро, – сказал водитель. – Потерпи минут пять, и поедем. Остальных лучше не буди, проще будет отсюда выбираться.

И он вышел из машины.

Вытащил откуда-то из-за своего сиденья несколько объёмистых полиэтиленовых пакетов, открыл калитку в заборе, вошёл в неё и скрылся из виду, не дав мне возможность ничего у него спросить, а вопросы были... – Почему никого нельзя будить? Почему мы остановились? И откуда нам нужно выбираться?

Я посмотрел в лобовое стекло, затем в дальнее от меня боковое окно маршрутки и получил ответ на свой последний вопрос. Вернее, не совсем так, скорее, увидел, что мы находимся, чёрт его знает где.

Впереди и с противоположной от дома стороны, зелёная лужайка, на которой стояло маршрутное такси, метров через десять плавно переходила в жёлто-серый песчаный грунт, а ещё дальше в обычный песок, который метров через триста из равнины переходил в холмы – барханы, вспомнил я.

Я даже усмехнулся.

Того, что видел я, быть не могло и я догадался, что всё-таки сплю. А раз так, понял я – какие вопросы? – Пустыня, так пустыня. Остановились в каком-то оазисе посреди неё и ладно.... Мне даже стало понятным, почему никого нельзя будить. – Разбудишь кого-то в своём собственном сне в незнакомом месте – испугается, а у меня не было никакого желания ни успокаивать, ни объяснять никому и ничего.

И я просто стал ждать и смотреть в окно на металлическую калитку...

Не прошло и нескольких минут, как она открылась, водитель вышел из неё, прошёл к автомобилю, молча сел на своё сиденье и завёл мотор.

– Вам лучше прикрыть глаза, – сказал он, видимо, обращаясь ко мне.

– Ладно, – ответил я и сделал так, как он просил, принимая правила игры.

Я чувствовал, как мы тронулись с места. Ускорение слегка вдавило меня в спинку сиденья. Маршрутку тряхнуло несколько раз, словно она проскочила на скорости через неглубокие ямы и её движение выправилось.

– Можно открыть глаза, – услышал я откуда-то издалека.

Мне этого уже совершенно не хотелось. Сон, который я ждал всю дорогу, наконец-то пришёл, и окутал меня своим пушистым одеялом, и мне стало уютно и тепло

– Мужчины приехали, – услышал я резкий женский голос у правого уха и почувствовал лёгкий толчок в плечо.

Я нехотя открыл глаза и увидел, что маршрутка уже опустела.

Мы и правда, приехали.

Женщина, разбудившая меня, уже отвернулась и спешила к выходу.

– Спасибо! – крикнул я ей вдогонку.

– Не за что! – ответила она, не оглядываясь.

Я отогнал остатки своего странного сна, встал с сиденья – пора было отправляться дальше.

Когда я проходил мимо водителя он сказал:

– Извини, что так получилось. Срочно нужно было завезти лекарства и продукты, до вечера тянуть было нельзя.

Я остановился и всё ещё не понимая посмотрел на него.

– Обычно все спят, – добавил он. – Очень редко, кто не засыпает вовремя перехода, но я всё равно с пассажирами стараюсь такого не делать... Безвыходная ситуации, срочно понадобились лекарства...

– Так это действительно было? – всё ещё не веря спросил я.

– Было.... С чего бы я тогда извинялся?

– Вот так просто взял и переместил куда-то в пространстве маршрутку с пассажирами? – недоверчиво переспросил я.

– Ну, да..., переместил. – Срочно необходимо было туда попасть, я уже говорил... – В пространстве и немного во времени...

– Быть такого не может...

– Слушай, хватит меня стыдить... Я, по-моему, уже извинился... Времени никто не потерял, к метро доставил всех даже чуть раньше, чем следовало.

– Да я тебя не виню, – сказал я. – Мне просто трудно в это поверить. И потом..., если ты можешь перемещаться в пространстве и времени, зачем, скажи мне на милость, ты работаешь водителем маршрутного такси.

Теперь с удивлением посмотрел он.

– Перемещение..., пространство..., время, – пробурчал он. – Полная ерунда... Может быть, мне нравится быть водителем. – И потом, скажи мне на милость, – добавил он, с нескрываемой иронией, копируя меня, – где, по-твоему, я должен зарабатывать деньги?

Странные мысли

Высоко на последнем пятом этаже, уродливо выступая из торцевой стены многоквартирного дома, торчал одинокий балкон.

Странный балкон на стене стандартного дома в маленьком Российском городке.

Причудой, какого архитектора появился этот балкон на свет? – Мы не знаем и не узнаем никогда.

Почему один?

Почему на пятом этаже?

Смотрелось это нелепо и странно.

Представьте – бетонная плита, выпирающая из глухой стены на высоте пятнадцати метров со стальным решетчатым ограждением по периметру, заваленная всяким хламом, прекрасно просматривающимся с пешеходной дорожки, которая проходила прямо под ним.

Ужасный архитектурный элемент и самое натуральное безобразие на мой свежий взгляд, случайно натолкнувшийся на это «чудо».

Случилось это давно.

Много лет назад, находясь в командировке, я в течение целой недели, как минимум, два раза в день проходил под этим самым балконом.

Когда основные дела, ради которых я и оказался в том городе, были закончены, я не выдержал и обратился в службу жилищно-коммунального хозяйства с просьбой покопаться в архиве и найти проект дома со странным балконом, желая убедиться, что последний имеет право на своё существование.

В противном случае, думал я, снесу его к чёртовой бабушке. – Нависает зараза, страшно под ним ходить, того и гляди какая-нибудь тумбочка или лыжи свалятся кому-нибудь на голову.

Я был настроен решительно.

В силу своей служебной командировки имел в этом городе определённый вес, был достаточно молод и энергичен и не брезговал совать свой нос в любую подвернувшуюся задницу.

Директор ЖКХ, Василий Кузьмич, видел это и, желая смягчить мой порыв, сделал что мог. – Выделил мне в помощь по поиску проекта сравнительно молодую, симпатичную, одинокую сотрудницу, а сам, как только закончился рабочий день, пригласил меня в свой кабинет на рюмочку коньяка.

Я возражать не стал. Посчитал, что немного коньяка после работы не может повредить никому, а Людочка, так звали мою помощницу, может поискать в архиве этот несчастный проект и без меня.

– ...Может быть, и не в архитекторе дело, может быть, пьяный прораб перепутал чертежи и, не выходя из продолжительного запоя, своей злой волей добавил сей злополучный балкон к голой стене дома, – пытался вразумить меня начальник ЖКХ. – Пойди, найди его теперь. Всё быльём поросло.

Я это прекрасно понимал.

– Не виноватых ищем, Василий Кузьмич, – отвечал ему я. – Пытаемся докопаться до истины. И прежде всего нам необходимо понять целесообразность расположения балкона на глухой стене пятиэтажки над пешеходной дорожкой.

– Безобразие, Владимир Михайлович, понимаю, – отвечал начальник ЖКХ, подливая коньячок.

– Не то слово, – продолжал я, опрокидывая очередную рюмку. – Но не только. Ведь он же завален всяким хламом под завязку. Под ним же ходить страшно. Свалится какая-нибудь кастрюля людям на голову, поздно будет пьяного прораба искать.

– А вот тут я с вами полностью согласен, – сказал директор ЖКХ. – Завтра же распоряжусь и отправлю кого-нибудь к хозяевам балкона и заставлю убрать с него весь хлам.

В кабинет заглянула Людочка.

– Ничего не нашла, Василий Кузьмич, – скромно сказала она.

– Не будем расстраиваться, Владимир Михайлович, – ответил директор, обращаясь ко мне. – Отыщется. Утро вечера мудреней. Завтра с Людмилой придёте, и ... – Он махнул рукой, отгоняя какую-то мысль. – Ладно, – добавил он, – рабочий день закончился. Давайте лучше ещё по одной за удачу в наших делах. Люда, присоединяйся.

Она не заставила звать себя дважды. Захватила по пути из шкафчика ещё одну рюмку и под села за стол.

Мы выпили.

Потом ещё и ещё, пока не опустела бутылка.

Когда она опустела, Василий Кузьмич кому-то позвонил и нам принесли ещё одну.

Спустя несколько часов, когда мы выходили из кабинета, балкон на глухой стене дома никого из нас больше не беспокоил. Каждому из нас хватало других волнений.

Лично меня очень взволновала Людочка.

Она, в свою очередь, переживала смогу ли я добраться до гостиницы сам и решила меня проводить.

Василия Кузьмича беспокоила жена – он побаивался, что она может не пустить его домой в таком состоянии.

– А пойдёте все теперь ко мне! – весело выкрикнул я. – С ответным визитом. В знак уважения нашего дома – вашему.

Василий Кузьмич засомневался.

– Поздно уже, завтра на работу, – сказала Людочка, строго глядя на своего начальника. – Я с вами, Владимир, пойду, – добавила она. – Проводим только Василия Кузьмича, всё равно по дороге к вашей гостинице.

И мы пошли.

После слов Людочки ни у кого из нас не оказалось слов, и мы шли молча, а наш путь пролегал по пешеходной дорожке напрямик к пятиэтажке с её балконом на глухой стене.

– Заодно и на балкон посмотрим, – сказал я через несколько минут, стараясь разрядить обстановку.

– А что на него смотреть? – хмуро отозвался Василий Кузьмич, – балкон, как балкон. Висит себе и висит и ещё сто лет провисит. Велика важность. Тоже мне чудо света. Если сносить – у нас пол страны нужно сносить.

И мы опять замолчали, а через несколько минут добрались до злополучного дома.

Проходя мимо, мы все трое, как по команде, посмотрели на его балкон. Словно почувствовав наш взгляд и будто в насмешку мне, с балкона нам под ноги свалился какой-то блестящий предмет. Он с грохотом приземлился на пешеходную дорожку и откатился в траву газона.

Я метнулся к этому месту.

Василий Кузьмич с Людочкой неторопливо последовали за мной.

Раздвинув траву, я увидел старый алюминиевый чайник без крышки.

– Чайник! – воскликнул я. – Видите, всё так, как я и говорил.

– Чайник это не кастрюля, – печально сказал Василий Кузьмич.

– Поздно уже, – непонятно к чему сказала Людочка.

– Да вы что? О чём говорите? А если бы этот чайник свалился нам на голову?

– Не свалился же, – ответила Людочка.

– От судьбы не уйдёшь, – зачем-то добавил Василий Кузьмич.

Я перестал понимать этих людей.

В тот момент мне и в голову не могло прийти, что они часть своей замкнутой среды – города, в который я на свою беду приехал, а она – эта среда просто ими манипулирует.

Да, я не оговорился – этот город оказался живой самостоятельной средой. Чужеродной системой, подчиняющей себе всё, что попадает в зону её влияния. – Чуждым разумом, в материальном воплощении, который нам не дано понять. А странный балкон на глухой стене пятиэтажного дома оказался ничем иным, как аномалией на её поверхности, одной из системных ошибок в её структуре, проявившихся таким причудливым образом.

Но всё это я понял потом.

В тот момент я не понял ничего.

Я смотрел с удивлением на своих спутников, потеряв всякое желание хоть что-то им объяснять.

А они и не ждали от меня объяснений.

В тот момент они не ждали ничего.

Мне показалось, что они на мгновение застыли – Василий Кузьмич, какой-то сгорбившийся, смотрящий куда-то вдаль. Людочка, стоящая ко мне в пол-оборота, глядящая на меня.

Но это быстро прошло, картинка ожила.

Василий Кузьмич встрепнулся и ни слова не говоря, отправился дальше.

Людочка подхватив меня под руку, повела вслед за ним.

Мы дошли до угла дома и Василий Кузьмич, не оглядываясь, свернул направо.

– До свидания, Василий Кузьмич! – крикнула Людочка.

Он молча поднял правую руку. Я промолчал. Мы с Людочкой посмотрели немного ему вслед и отправились дальше.

В гостинице мы не сразу пошли ко мне в номер. На первом этаже работал бар, и мы ненадолго задержались в нём. Выпили шампанского, поговорили, стараясь снять напряжение этого вечера.

Спустя время, нам это удалось.

Почувствовав, что нас больше ничто не сдерживает, поднялись ко мне.

О том, что происходило там, рассказывать нечего, можно лишь добавить, что нам было хорошо, и я ни разу не вспомнил про злополучный балкон.

Утром я проснулся в номере один.

Увидел на прикроватной тумбочке записку: «Было здорово, встретимся в конторе, попробую помочь найти то, что ты ищешь»

Спустя час, я оказался в конторе ЖКХ.

Прошёл в архив и обнаружил там Людочку. Она сосредоточенно перебирала какие-то папки.

Увидев, что я вошёл, подошла ко мне.

– А может быть ну его – этот балкон..., – сказала она.

Придвинулась ближе и...

Произошло невероятное. В один момент мне открылось всё. Как озарение перед моим мысленным взором предстало видение.

Я словно взлетел.

С высоты птичьего полёта мог видеть и чувствовать всё уродство этого города. – Странного места, покрытого многочисленными язвами и гнойниками. Среди них, обнаруженный мной балкон, был далеко не единственной его аномалией. Были и другие – проплешины котлованов, брошенныхстроек, наполненные грязной водой, спрятанные за кривыми заборами. Покосившиеся опоры линий электропередач. Обшарпанные серые, давно требующие ремонта дома. Скопления странных людей у нескольких винных магазинов. Какой-то полузаброшенный завод с несколькими ржавыми подъёмными кранами. Маленькая речка, бегущая под полураз-

валившимся мостом, несущая куда-то на своей поверхности густую рыжую пену. Деревянные сараи, какие-то ветхие избушки на границе видимости.

От несуразностей этого места рябило в глазах.

И я с ужасом понял, что оно действительно было живым.

Жило своей странной, понятной только ему, жизнью. Пыталось воздействовать, диктовало условия. Тянуло в разные стороны щупальца дорог, заманивая к себе путников, мечтая их захватить и подчинить.

Оно было достаточно сильно, и я чувствовал, что оно желает подчинить себе и меня, старается казаться добрым и привлекательным, а Людочка не что иное, как его инструмент.

Я чувствовал его ментальное воздействие – близость и взволнованное дыхание милой женщины у своего лица.

Я знал, что нужно бежать, но понимал, что бежать в сущности, некуда.

Поднявшись ещё выше, я увидел тысячи таких мест.

Вся планета была покрыта ими.

Они немного отличались друг от друга, но их сущность везде была одна – захватить, подчинить, навязать свою волю, заставить жить по своим правилам.

Это казалось ужасным.

И с этим ничего поделать было нельзя.

– Что балкон? – Полная фигня, когда такое творится, – тихо сказал я.

Людочка поняла меня по-своему – обняла и взглянула в глаза. Я машинально обнял её и поцеловал.

И видение ушло.

Возбуждение снизу вверх жаркой волной пронеслось по моему телу. Ударило в голову, и я чуть было её не потерял.

Но этого не случилось.

Дверь в комнату архива приоткрылась, мы с Людочкой отстранились друг от друга и увидели в дверном проёме Василия Кузьмича.

– О..., вижу дела по поиску проекта, идут полным ходом, – улыбнувшись, сказал он.

Мы промолчали.

– Я, собственно, что зашёл, – добавил он. – Вчера посидели изрядно, лично мне до сих пор немного не по себе. Не желаете, Владимир Михайлович, исключительно для поправки здоровья, по рюмочке коньячка. Вас, Людмила, не приглашаю, время рабочее, должны понимать.

Мы с Людочкой переглянулись, и она еле заметно кивнула головой.

– Не откажусь, – сказал я.

– Вот и славно, – улыбнувшись, ответил он.

И мы пошли.

По дороге в свой кабинет он спросил:

– Вы вообще как, надолго к нам, Володя?

– Командировка заканчивается через три дня, думаю, что эти три дня и пробуду. Остались кое-какие неоконченные дела, – ответил я, думая в основном о Людочке.

– Понимаю, – растягивая гласные, чуть изменившимся голосом, ответил он и ухмыльнулся....

P.S.

Кому-то эта история покажется незаконченной, но дело в том, что она и не имеет конца.

Кузьмич, со своим коньячком будет вечно заманивать к себе подвернувшихся путников. Людочка, тоже будет это делать, но уже другим способом.

А когда не смогут они, появятся другие.

У этой замкнутой среды, чуждого разума, города – называй, как хочешь, где я оказался, было достаточно средств для воздействия. А задача, как я уже говорил, была одна – Поймать, захватить, подчинить.

Лично мне вырваться удалось, но для этого пришлось два раза продлевать командировку, а уехав после её окончания – несколько раз возвращаться назад.

И всё это только для того, чтобы оказаться пойманным в другое время и в другом месте.

Стать негодяем

Я встретил его случайно. – Он выглядел как обычный человек. Попросил у меня прикурить при входе на автостоянку. Я достал зажигалку, позволил ему это сделать и прикурил сам. Несколько дежурных фраз, несколько плоских шуток и мы познакомились, а познакомившись, разговорились. Постепенно он увлёк меня своими суждениями, и я сам не заметил, как забыл о том, что куда-то спешил. Он же продолжал развивать свою теорию, а я следовал за ним.

... – Всё происходит не сразу, любой процесс происходит постепенно, – говорил он. – Сразу, можно только сломать. Созидание требует времени. Много или мало? – По-разному, но это уже другой вопрос...

Так во всём. А уж в формировании личности и подавно. Мы все рождаемся одинаковыми и одинаково...

Так вот, повторяю, мы все рождаемся одинаковыми, равными и свободными, чистыми и невинными. Чистыми, как первый снег, как белый лист бумаги. Свободными, как новый компьютер из упаковки, как Робинзон Крузо на своём необитаемом острове. Равными, как осветительные столбы вдоль дороги, как упаковки крупы на полке гипермаркета, как купюры одного достоинства в одном кармане. Но проходит немного времени и первый снег становится серым – тает и исчезает совсем. Белый лист бумаги, заполняется каракулями. На компьютер ставят операционную систему, а к Робинзону Крузо приплывает Пятница и всё – свободе конец. На осветительных столбах перегорают лампочки, некоторые столбы падают. Из отдельных пакетов высыпается часть крупы. Купюры имеют свойство исчезать из карманов и размениваться по мелочам.

Так, первоначальное равновесие, перестаёт быть таковым.

Это аллегория, но люди меняются также.

Стоит сделать шаг в большой мир, как мысли чернеют, тают. Иногда, светлых первоначальных мыслей, не остаётся совсем. – Глаза тускнеют – всё кажется серым и обыденным, ненавистным, недостойным внимания. Садись в пустой комнате за старый письменный стол и на белом листе – пишешь чёрным, что-то невразумительное, что-то слишком личное. О том, как не заладилась с «Пятницей», о том, что всегда один, о том, что денег снова нет, а зарабатывать негде. Сидишь и жалеешь себя. Размениваешься по мелочам. Становишься жалок, не уверен в себе, беспомощен. И пишешь, пишешь и пишешь всякую чушь о себе. О своей кривой дороге, на которой попадали осветительные столбы, на которой не светит...

Понимаешь, что нужно что-то менять, что дальше так нельзя, что дальше...

Останавливаешься, оглядываешься по сторонам – пустота. Понимаешь..., хорошо если понимаешь, что сюда добрался сам. Ищешь выход – хорошо, если сам ищешь. Знаешь или хотя бы догадываешься, что, не изменившись, его не найти. Но как? – Как это сделать практически?

Качества окаменели, вросли в сущность – монолит, глыба – попробуй, разбери, что и где. Но для изменений в таком состоянии требуется место. Невозможно в твёрдую форму добавить что-то ещё, можно только заменить. А добавить необходимо. – Явно не хватает решимости и уверенности в себе. – Много чего не хватает. Но что заменить? Как определить, что важно, а что нет? – Учитывая, где оказался – неважным кажется всё, буквально всё, что тебя составляет...

Поэтому, берёшь зубило и молоток и вырубаешь, практически, не глядя, из спрессованной массы, огромные куски. – Отбрасываешь их за ненадобностью, ставишь на их место нечто другое – полезное. Главное в этот момент отключить чувства и оставить голый разум. Он подскажет, что важно, а что нет. Если всё сделал чётко и беспристрастно, не отвлекаясь на эмоции, шансы на успех довольно высоки. Если угадал, становишься энергичным, сильным,

привлекательным. Обострившееся зрение подмечает всё вокруг. Направления – нити, сложной паутиной расходящиеся из-под ног. Их переплетение больше не является тайной, тайны, перестают иметь значение, а потому, больше не существуют. Дёргаешь за любую нить – желательно потолще и поярче и тянешь, тянешь, что есть сил на себя. – Не надо даже никуда идти. Мир сам выпрыгивает навстречу. Главное покрепче держать свою нить...

Всё одинаково привлекательно и равнозначно. В новом качестве всё выглядит чётче и ярче. Рассматриваешь новый мир внимательно и непринуждённо. Пользуешься им. Торопиться некуда. Старого ничего не осталось, а новое никуда не уйдёт, новое теперь всё. И теперь оно доступно в любой момент, стоит лишь энергично и в подходящий момент дёрнуть за нужную нить. Сил хватит. Их теперь хватит на всё. Ту энергию, что тратил на бесполезные чувства и эмоции..., на эти грубые действия хватит с лихвой. Единственное, что нужно, так это научиться с первого раза выбирать самое лучшее. Это станет получаться не сразу. Не беда, можно поэкспериментировать. – Подёргать за нити, посмотреть на то, что получится. Посмеяться над своими ошибками и попробовать снова. Любой притянутый к себе мир можно выбросить за ненадобностью в любой момент. Чувств мешающих сделать это уже не останется. Выбросил и забыл. Выбрал новый. Цинично? – Возможно. Но очень увлекательно, доложу я вам...

Думаете, что я негодяй? – Пускай. – Так думают многие. – Некоторые даже спрашивают, как я стал таким негодяем. – Многие завидуют. Наблюдать за ними тоже очень интересно, а мысли обо мне кого бы там ни было, в моём теперешнем состоянии, не имеют для меня практического значения. Совершенно иной уровень восприятия. Он на мгновение замолчал и внимательно посмотрел на меня. – Вот вы..., – сказал он, задумчиво. – Кажется мне человеком, который сделал несколько первых шагов в направлении состояния, о котором я говорил. Хочу предостеречь. Вам нужно знать, что на первых порах, пока вы ещё не разобрались в себе окончательно, не стоит рассказывать о себе никому. До тех пор, пока чувства и эмоции не исчезли – нельзя... – Постойте, – перебил его я. – Вы ошибаетесь! Я, вообще, с трудом понимаю, о чём вы говорите. И я не собираюсь отказываться от чувств и эмоций. Наоборот, я очень хочу, чтобы их у меня было как можно больше. На мой взгляд, именно они помогают мне расширить круг восприятия.

Он ничего не ответил.

Посмотрел на меня с некоторым презрением и отрицательно покачал головой. Молча развернулся и пошёл в сторону от меня. Я невольно смотрел ему в след.

Он шёл и не оглядывался.

Странность этой ситуации, вызвала любопытство. Почему-то казалось важным понять, куда он идёт. Он прошёл метров тридцать до припаркованного у тротуара автомобиля. Не дожидаясь, когда он подойдёт, водитель автомобиля вышел и любезно открыл перед ним заднюю дверь. Он сел на пассажирское место второго ряда. Водитель захлопнул за ним дверь. Обошёл машину и сел на своё место. Чёрный представительский автомобиль, новый и сверкающий, с тонированными стёклами, величественно и неспешно, проехал мимо меня. Это не был мерседес, как мне показалось вначале – какая-то более престижная модель. Я не очень разбираюсь в марках машин, но любому человеку, даже такому, как я, было понятно, что от таких машин, нужно держаться подальше.

Он уехал, и больше мы с ним не виделись никогда.

Кто был этот человек?

Что он пытался мне объяснить?

Не был ли он прав хотя бы отчасти?

Не знаю..., но иногда, я ищу ответ на последний вопрос – до сих пор пытаюсь понять, что он увидел во мне тогда... Не нахожу ответа... И это убивает меня. В такие минуты хочется

бросить всё и просто жить. Вырваться, стать свободным, пробовать всё, что попадётся под руку, двигаться туда, куда зовёт сердце.

Становится страшно.

Ведь я понятия не имею, как это делается.

Точка на листе

Есть версия, что будущее уже определено.

Не ближайшее будущее – не то, что случится завтра, послезавтра или через неделю – глобальное будущее – от начала и до конца.

Другими словами, где-то и когда-то есть место – пресловутая финальная точка, в которой все события сольются в единое целое, уравновесят друг друга и обратятся в ничто.

Говорят, что это, действительно, предрешиено.

Буквально всё, соответствует заранее продуманному, глобальному плану и стремится в своём окончательном завершении к неизбежному концу.

Судьбы отдельных людей и, возможно, целых народов, континентов, всей нашей планеты Земля, Галактики и, быть может, Вселенной, увязаны между собой так, чтобы соответствовать этому плану, образуя некую систему.

Нам ничего незаметно.

Мы просто живём, принимаем решения, наполняем свою жизнь событиями. Обрастаем взаимосвязями. Имеем относительную свободу выбора и можем в любой момент попытаться разорвать любую существующую взаимосвязь.

Некоторые наши поступки будут соответствовать глобальному плану и ведут в нужную сторону, а некоторые нет.

Заранее не определить.

Но если мы угадали – всё спокойно.

Если не угадали – чувствуем сопротивление среды – система стремится к равновесию, пытаюсь задвинуть нас на место.

Мы же, в свою очередь, можем просто вернуться в исходное состояние, и ничего нового не произойдёт..., а можем, при условии достаточного количества сил и отваги, поступить системе наперекор.

Сделать очень рискованный шаг.

Ведь это даже не государственная система, шутки с которой, тоже кончаются печально, а общая система мироустройства, имеющая ресурсы целой Вселенной.

Действуя вопреки такой системе и, возможно, здравому смыслу, являясь нарушителем баланса можно с большой вероятностью кануть в небытие, но есть и небольшой шанс на победу.

Иногда, по непонятным причинам, кому-то удаётся проскочить.

Система уступает и ей не остаётся ничего, как подстроиться под этого кого-то, а для сохранения своего баланса, задвинуть подальше кого-нибудь другого.

Такая вот теория.

Теория неизбежного конца с пресловутой финальной точкой, включающая в себя теорию глобального равновесия, упругого противодействия и прогиба среды, при достаточном приложении сил.

Можно было бы разобраться с этим в деталях, но зачем?

Что можно здесь доказать?

Здесь, могут быть лишь косвенные доказательства.

Но каждый, кто пытался чего-то достичь, меня поймёт.

Начинаешь новое дело – плохо просчитал, не учёл детали – всё идёт наперекосяк. Среда сопротивляется и задвигает на место. Если повезёт – на прежнее место, не повезёт – задвинет так, что мало не покажется.

С этим сталкивался и я.

Много раз.

Повторяя и повторяя попытки.

Соппротивление среды бывает значительным.

Иногда стискиваешь зубы и еле сдерживаешься, пытаясь не впасть в отчаяние от безысходности, но расслабляться нельзя – размажут, раскатают, втопчут в грязь, сотрут в порошок или того хуже... – неважно, в любом случае, как правило, приходится трудно и осуществить задуманное, удаётся не всем. Расшатать баланс мироздания и зафиксировать его в новом положении – о...о...х..., как не просто. – Маленькая промежуточная точка текущего этапа, остаётся на прежнем месте и не двигается ни на миллиметр.

Грустно.

Но не смертельно.

В любом случае, жизнь продолжается, а любые наши неудачи, как, впрочем, и удачи тоже – всего лишь подтверждение одной и опровержение другой теории.

Что же касается именно этой теории, могу добавить лишь одно. – Мне она нравится. Особенно в том, что касается глобального конца. В том плане, что он якобы определён с самого начала. Подтверждения этого вижу на каждом шагу.

Видю, как в реальном мире, так и в своём – виртуальном.

В виртуальном особенно.

Только начнёшь какую-либо историю, как тут же выскакивает и конец – в том смысле, что я заранее знаю, чем всё закончится.

Иногда мне кажется, что достаточно поставить обычную точку на чистом листе и перед ней в обратном порядке развернутся события, которые и приведут именно к ней.

Иногда мне хочется это сделать.

Поставить точку и уйти, а события пусть выстраиваются сами, и будь, что будет.

И ведь выстроятся.

Возможно, не так, как хотелось бы мне, но это произойдёт. – Пустота не может быть не заполнена.

И это невероятно.

Сделав так, можно проследить, как прошлое, настоящее и будущее – теряются, перестают существовать как отдельные понятия. – Сливаются, образуя единую сферу жизни.

Она не имеет границ, но всё же для нас она ограничена.

Бесконечность не наш удел.

На условной границе сферы, на некотором удалении в пространстве и времени, неразличимая пока на бесконечном пути реализации глобального плана, поставлена, специально для каждого из нас, маленькая финальная точка.

Безумный собеседник

Он появился словно из воздуха в самый неподходящий момент.

Не то чтобы он показался мне неприятным – обычный мужчина средних лет, такой же, как и я, посетитель этого кафе, но я не был с ним знаком, и мне в тот момент хотелось побыть одному.

– Здесь свободно? – спросил он, указывая на место за моим столом.

Я окинул взглядом зал кафетерия.

Все столики оказались заняты, хотя за некоторыми из них тоже имелись свободные места, но явных причин отказывать незнакомцу не было. Я молча пожал плечами в надежде, что он правильно расценит мой неопределённый жест и найдёт себе другое место.

– Спасибо, – ответил он.

Уселся напротив меня в пол-оборота, проигнорировав мой пространственный намёк, и уставился в окно.

Спустя несколько секунд, не глядя на меня, добавил:

– Вы извините, что побеспокоил, но в этом кафе это единственное приемлемое место. Если бы оно оказалось занято, я бы ушёл.

Его странная фраза вызвала у меня лёгкую неприязнь и невольно заставила поморщиться. Я почти физически ощутил, как этот человек, изображающий безразличие, пытается начать со мной разговор. Хочет услышать от меня вопрос – «Да..., и чем же так привлекает вас это место?» – Потом долго рассказывать о своей жизни, несчастной любви или ещё о чём-нибудь, что началось именно здесь, когда он давным-давно вот также сидел и смотрел в окно.

Я проигнорировал его фразу.

Мне не было никакого дела до его историй.

У меня хватало своих и историй и проблем, но, судя по всему, с появлением этого человека побыть наедине с собой и спокойно обдумать всё, что меня беспокоило, стало уже невозможно.

– Я знаю, что вы сейчас думаете, – сказал незнакомец с лёгкой улыбкой, по-прежнему не глядя на меня. – Дословно все ваши мысли пересказать не возьмусь, но общий эмоциональный фон не вызывает сомнений.

Это перешло все мыслимые границы.

В первый момент появилось желание молча допить свой кофе и просто уйти. Провоцировать безумца и вступать с ним в диалог, в любом случае, было неразумно. Но этот человек оказался очень наглым безумцем, сумел вывести меня из равновесия и вопреки моей воле всё-таки заставил обратить на себя внимание.

Я пристально посмотрел на него и увидел повёрнутое в профиль, улыбающееся лицо. Он по-прежнему даже не смотрел на меня, а просто пялился в своё окно.

Не стесняясь в выражениях, я мысленно обложил его вдоль и поперёк трёхэтажным матом, собираясь спросить, как ему теперь нравятся мои мысли.

Но не успел.

Улыбка слетела с его губ.

Он повернулся и посмотрел на меня.

Наши глаза встретились. Его взгляд вспыхнул странным блеском, под которым просматривались боль и тоска.

Если честно, я немного испугался.

Если он действительно умел читать мысли, и был настолько невменяем, как я себе представлял, мне стоило опасаться этого человека и ни при каких обстоятельствах не стоило с ним разговаривать.

Вопрос, готовый сорваться с моих губ, так и остался, не высказан. Я отвёл в сторону глаза, стараясь, тем не менее, не выпускать его из вида.

Он же напротив продолжал на меня смотреть. Прекрасно видел и понимал моё состояние, а почувствовав мой страх, улыбнулся снова.

– Эмоции, – чуть слышно сказал он. – Никто не умеет их контролировать. И все почему-то считают, что могут спокойно думать то, что боятся говорить. Словно высказанная мысль, чем-то отличается от невысказанной, словно грубость в мыслях, лучше открытой грубости. – Нет, – продолжил он, – она не лучше – хуже. Для чувствительных людей, она как нож исподтишка.

Вот вы приличный с виду человек, стараетесь выглядеть респектабельно. Придумали себе некий образ, определили его параметры и не желаете подпускать к себе никого, кто этим параметрам не соответствует.

Когда-то я сам был таким.

Сидел здесь на этом самом стуле, а она сидела напротив. Так же, как и вы держала в руках свою чашку с кофе и никак не решалась сказать, что больше не любит меня. Мучилась, страдала, мучила меня, а затем ушла, сославшись на свои дела по этому тротуару.

Он кивнул, и я невольно последовал за его взглядом.

Там за окном, прямо перед нами, мощёный тротуар упирался в проспект, нырял в подземный переход, делился перед переходом ещё на два луча, расходясь в разные стороны, которые в свою очередь терялись за домами.

– Где она теперь? Кто знает? – спрашивал незнакомец, не ожидая от меня ответа. – Почему всё происходит так? – Простой телефонный звонок, она что-то говорит в трубку, хмурится, меняется в лице. Заканчивает телефонный разговор и обращается ко мне. Говорит, что ей необходимо идти, что завтра свяжется со мной, что её провожать не надо. Выходит из кафе, идёт по тротуару, ни разу не обернувшись, спускается в переход и исчезает навсегда.

Что она думала тогда? Почему врала? Зачем эти недомолвки? Почему не могла сказать прямо?

На эти вопросы ответов уже не найти.

Тогда я ещё не умел читать мысли.

Если бы такое случилось сейчас...

Я больше не слушал.

Как он ловко завлёк меня в свою историю, думал я. И это несмотря на то, что я прекрасно знал, что он на самом деле хочет.

Я уже не понимал, почему испугался этого человека.

То, что он ненормален, почти не вызывало сомнений. – Обычный безвредный псих, вообразивший себя ясновидящим. – Сделал вид, что возмущился моим негативным мыслям, а я, как дурак на это купился. Хотя понять, что я думал тогда, что подумает любой человек, если бесцеремонно и нагло вломиться в его личное пространство, сумеет, наверное, каждый. Но не каждый сможет спровоцировать такое, как было у меня состояние, вызвать страх, заставить затем молча слушать себя. На это способен только не лишённый своеобразного таланта, но полностью ненормальный человек.

Я снова взглянул на него.

И наткнулся на его спокойный, без тени эмоций, взгляд.

И в этом взгляде не было ни капли безумия.

Незнакомец опять разглядывал меня и снова молча улыбался, а я подумал, что он не так уж и безвреден, как я недавно решил.

И я отвёл глаза.

– Знаете, почему это место в этом кафе наиболее приемлемо? – спросил он.

Я не хотел это знать и по-прежнему не собирался поддерживать этот разговор, мне хотелось уйти, но я ещё не решил для себя насколько опасно уходить от этого человека, оборвав его на полуслове.

– Если вы обратите внимание, – продолжал он, – сможете заметить, что в это время почти все пешеходы выходят из-за угла здания и направляются к подземному переходу. Мы видим их только со спины и, глядя из окна, ни с кем из них не встречаемся взглядом.

Это хорошо.

Без этого невозможно установить нормальный контакт и их мысли звучат в моей голове приглушённо, словно лёгкий прибой.

Признаюсь честно, нет никакой радости, слышать чужие мысли.

Точно псих, подумал я. Причём тут это окно? – Спрячься в глубине помещения, повернись к людям спиной или, если уж на то пошло, сиди дома и не выходи на улицу.

– И, в то же самое время, – продолжал он, словно пытаюсь развеять мои сомнения, – отсюда из этого окна просматривается весь тротуар, до самого подземного перехода.

Она раньше часто проходила здесь.

Именно здесь, мы и познакомились.

Я всё ещё надеюсь встретить её снова, спросить, почему она так поступила со мной.

Взглянуть ей в глаза.

Даже если она мне и не ответит, я всё пойму без слов.

Он замолчал.

Молчал и я.

Подошёл официант.

– Закажите что-нибудь ещё?

– Нет, счёт, пожалуйста, – ответил я.

Вот подходящий момент, понял я. – Официант принесёт счёт, я рассчитаюсь и.... А почему ничего не предлагают ему, вдруг подумал я, словно он ...?

– Я часто прихожу сюда, – сказал незнакомец, будто и правда, слышал мои мысли. – Все привыкли, что я ничего не заказываю.

Повеяло холодком, я уже снова был готов испугаться этого человека.

– Меня вам бояться нечего. Я действительно, безвредный псих, – сказал он с печальной улыбкой. – И обычно я не подсаживаюсь к людям, прекрасно зная, как действует на них моё присутствие. Но когда я вошёл – что-то почувствовал, словно услышал тихий плач, словно маленькая птица кричала от боли в запертой клетке, звала на помощь...

Подошёл официант, положил на стол счёт, ушёл обратно.

Я достал бумажник, открыл.

В нём было несколько тысячных купюр.

Достал одну, положил рядом со счётом.

Многовато за чашку кофе, подумал я, но сдачу ждать было выше моих сил.

Встал из-за стола.

– Я могу помочь, – сказал человек.

– Спасибо, но нет, мне не нужна помощь, – ответил я.

Поспешно вышел из кафе и скорым шагом, не оглядываясь, направился к подземному переходу, стараясь освободить голову от любых возможных мыслей.

Я прекрасно знал, почему от незнакомца ушла его девушка.

Знал, что нужно делать мне...

В последний момент я вспомнил, что где-то лет пять назад именно я и придумал эту грустную историю.

Мне следовало забыть дорогу в это кафе, расстаться с надеждой, увидеть через его окно над тротуаром.... По крайней мере, до момента, пока не удастся изменить для этой своей истории финал.

Всё или ничего

Я подслушал эту фразу в каком-то фильме, или даже, нет... – я придумал её сам, вслед за тысячами тысяч, предшествующих мне людей.

– Всё или ничего! – воскликнул я. Развернулся и ушёл, демонстративно показывая, что раз ВСЁ мне обеспечить не могут, то и жалкие, предлагаемые крохи, мне тоже не нужны. Пусть будет – ничего.

Судьба обрадовалась такому повороту событий – моё последнее желание было намного проще воплотить в жизнь и не стало ничего, как я и заказывал.

Я сидел в глубоком кресле, в тёмной пустой квартире, упиваясь своим новым состоянием. Мне и правда, не хотелось ничего. Я даже свет включить не захотел.

– Конечно ..., ворчал я, слегка обиравшись.

– Ещё бы ..., искал оправдание я, зная, что по-другому и быть не могло.

– Плевать! – кричало самомнение. – Выдержу, справлюсь, преодолею и вернусь. Будут тогда знать!

– И всё-таки ..., – возражала жалость к себе.

– Вот тебе и конец, – подвёл итог разум.

Но я не послушал даже его.

Всё уже было сказано, отступать было некуда.

Наступать было тоже некуда, да, и не на кого.

Просто сидеть на месте было глупо, и я углубился в себя.

В первый момент меня окутали тьма, пустота, безысходность и одиночество.

– Эй! – крикнул я. – Когда речь шла про «ничего», я не имел в виду внутренние проблемы. И не надо путать слово «ничего» и «ничто». – Сам по себе, я всё-таки, что-то.

И тьма отступила. Одиночество осталось. Пустота поглотила безысходность, дополнила одиночество, и освободило место ожиданию.

Вскоре оно пришло.

– И что? – спросило оно.

– Не понял вашего вопроса, – ответил я?

– Ты дурак? – спросило оно – огромное, переменчивый образ, грустные, с упрёком и сожалением глаза.

– Не знаю, – ответил я.

– Слушай дурак! У меня есть всё.

– Правда? – с надеждой спросил я.

– Правда! Но тебе от этого не легче. Тем, что есть у меня, ты воспользоваться не сможешь.

– Как?

– Ты знаешь кто я?

– Да..., – неуверенно ответил я.

– Так вот, моё имя говорит само за себя. Пока я с тобой ты можешь ждать, что угодно и сколько угодно, но дальше этого дело не пойдёт.

– И как быть?

– Точно дурак! – подтвердило Ожидание. – Выбери, что хочешь и будем ждать. – Хоть это твоё, ВСЁ. Но помни, что на выбор ВСЕГО у тебя жизни не хватит. – Его придётся разделить на составляющие – слишком общее понятие. – Такое даже ждать невозможно. А составляющих в нём много, бывает, что и не сосчитать. А ведь нужно ещё осмыслить, представить Иначе, когда дождёшься, будет не понять, что пришло.

До меня начало доходить, что я крупно влип. Пока я считал, что достоин всего на свете – было просто – что может быть проще обобщённого понятия, в котором найдётся что угодно.

С переходом на конкретику всё чрезвычайно усложнилось. Я понятия не имел, как это всё разделить, а значит, не мог и выбирать.

Мало того, слова этого странного существа окончательно сбили меня с толку. Я, вообще, перестал понимать зачем мне нужно это ожидание. Я хотел не просто ВСЁ – я хотел ВСЁ и сразу.

Я тяжело вздохнул, закрыл глаза и погрузился в себя ещё глубже.

Странное существо с грустными глазами исчезло, мне стало легче, но снова стала сгущаться тьма.

Чуть не попался, подумал я. – Стал бы такой же расплывчатый и безликий с печалью в глазах. – Всю жизнь бы ждал и помер ничего

– Вот оно! – мысленно воскликнул я. – Опять это «ничего» – проклятье, которое я сам наложил на себя.

Я огляделся.

Тьма становилась гуще.

Мне стало страшно.

Когда я делал свой выбор, – нервно думал я. – Отворачивался от реальности, выбирая «ничего», я имел в виду смену направления, возможно, образа жизни, но никак ни тьму и пустоту без вариантов.

– Я выбирал НИЧЕГО не буквально! – крикнул я, что было духу кому-то, кто, как я догадывался, манипулирует мной, давит на меня своей тьмой и подсылает своих слуг. – Сначала это бессмысленное ожидание, но я был уверен, что будут и ещё.

– Ну, кто там следующий? – Давай! – крикнул я своему невидимому противнику.

И кое-что изменилось.

Я не заметил, как оказался среди бескрайней равнины.

Один, ночью, но всё равно стало заметно светлей. Тьму разбавлял свет полной луны, и весь мир от горизонта до горизонта заполнил призрачный полумрак.

Прямо передо мной, на горизонте, ограничивающем видимое пространство – там, где полумрак сгущался и становился темнее, что-то зашевелилось, пришло в движение, стало приближаться, увеличиваясь в размерах. Через некоторое время я понял, что это были всадники, что они скакали ко мне и что их было много.

– Вот и напросился, – прошептал я.

Но страшно почему-то не было.

У меня всегда так, думал я. – Когда нужно бояться и что-то делать, я просто стою столбом и наблюдаю. Становится даже интересно, чем всё закончится.

Всадники же неслись, стремительно поглощая пространство. Ещё через мгновение я уже мог разглядеть первых из них, последние же при этом всё ещё терялись за границей восприятия.

– Вот это да! – невольно воскликнул я. – Целая армия атакует!

И не кого-нибудь, а меня, думал я, ведь вокруг больше никого нет.

Это немного тешило самолюбие и придавало значимости моменту, но было странно. – На такого, как я хватило бы и одного всадника, казалось мне. – Самого слабого из этой толпы.

Но ситуация развивалась, делать было нечего, а бежать, бесполезно в принципе. – Куда убежишь от лошади на равнине, где всё просматривается?

И я остался стоять столбом.

Армия тем временем приближалась, но чем ближе она оказывалась ко мне, тем больше проявлялось в ней несообразностей.

Я всегда считал, что кавалерия должна держать строй. Атакуют ли они, разворачиваются ли во фронт, совершают ли переход – везде есть свой порядок. Здесь же каждый всад-

ник скакал сам по себе. Были, правда и редкие группы по двое – трое, но ощущение порядка не возникало.

Они приблизились ещё, и я увидел, что все всадники отличаются по размерам.

Некоторые, казались огромными и скакали на могучих конях, другие, почти карликами чуть ли не на пони. У одних были блестящие доспехи и сверкающая сбруя их лошадей. Другие были одеты в лохмотья, а вместо нормальной уздечки держали в руках обычную верёвку.

Никакая это не кавалерия, понял я. – Собрали всякий сброд, первых, что попались под руку и отправили ко мне.

– Непонятно только зачем, – пробурчал я себе под нос.

Но учитывая скорость, с которой они приближаются, думал я, ждать понимания этого осталось недолго.

Ещё мгновение и первый из всадников поравнялся со мной. Придержал своего коня и остановился.

Вслед за ним в тот же миг, словно по команде, хотя никакой команды я не услышал, остановились и все остальные.

И не просто остановились – застыли. – У большинства коней ноги оказались подняты над землёй, словно какая-то сила мешала им сделать ещё шаг. Сами всадники сидели в неудобных позах абсолютно неподвижно, у некоторых в вытянутой руке была поднята плётка над головой. Застыли даже хвосты этих плёток – вертикально, горизонтально, под разными углами – даже сила гравитации на них не действовала.

Кроме того, приглядевшись, я увидел, что у всадников закрыты глаза.

Невероятное зрелище.

Подвижным и с открытыми глазами оставался лишь тот, кто первым приблизился ко мне.

Он казался довольно обычным и не вызывал особого интереса. – Стандартный по размерам конь с кожаной сбруей. Сам всадник в стандартной одежде для верховой езды – плотного телосложения, лицо без особых примет.

Другие же, напротив – обычными не были. Мне захотелось рассмотреть их поближе, но

– Будет ещё время полюбоваться, – сказал первый всадник, отвлекая меня – Если появится желание, сможешь и познакомиться.

Это было несколько грубо. Он, этот всадник, показался мне не самым воспитанным человеком. – Не представился, не познакомился, сразу какие-то рекомендации.

– Простите, а вы кто? – спросил я.

– Ну, вот. Ты что не узнал?

Я пригляделся к нему внимательно. – Что-то знакомое, в его образе прослеживалось. Но я никак не мог это ухватить, разве что его самоуверенная наглость под нарочитой простотой, очень похожая на ту, которой я нахлебался под завязку в месте, что недавно покинул.

– Ну, ещё немного, – подначивал всадник. – Ход мыслей я вижу правильный. – А...? – Что? – Никак?

Я пожал плечами.

– И правда, не узнал, – с наигранным сожалением продолжил он. – Пять лет мной пользовался, выбросил на помойку и тут же забыл, а ещё считаешь себя порядочным человеком.

Это было уже слишком. Я готов был взорваться от накатившей злости.

– Ладно, не кипятись, – остановил он меня. – В этом образе меня, действительно, не каждый узнает, так мы с тобой ещё не встречались. – Я твоя предыдущая возможность.

– Что значит предыдущая ...? – спросил я автоматически, перестав понимать происходящее.

– А то и значит. Или ты хочешь спросить, почему я в таком случае перед тобой стою, да, ещё и разговариваю?

Я пожал плечами, ничего не имея в виду.

– К твоему сведению, – продолжил он. – Любая возможность считается исчерпанной только после того, как человек, которому она принадлежала, полностью от неё отказался.

– Да я вроде..., – начал было я.

– Что вроде? – перебил меня наглый всадник. – Трудовую книжку с прежней работы забрал? – Прошлые дела и делишки закончил? – Нет? – Что думаешь, просто взял, развернулся и ушёл? – Дудки. И не надо мне тут...

– Слушайте, вам, вообще, что от меня нужно? – выкрикнул я, пытаюсь разозлиться. Это получилось не очень – мой наглый собеседник отчасти был прав.

– Лично мне от тебя ничего не надо, – ответил всадник. – Не такая уж я и плохая возможность, выберет кто-то другой. – Ты лучше о себе подумай. – Пытаешься от всего отказаться, думаешь самый крутой. – Это ему не так, то ни эдак. – Всё или ничего. – Вон это твоё всё – стоит за моей спиной, до горизонта тянется – все твои потенциальные возможности. – Смотри, любуйся, каких уродов там только нет.

Он на мгновение замолчал, а я оглянулся.

Да, в застывшей толпе было множество неприятных лиц. Были и такие, что вызывали отвращение, но были и те, что привлекали сиянием доспехов, но большинство не выделялись ничем – такие же обычные, как и мой собеседник.

– Вижу, начинает доходить, – сказал он. – И мой тебе совет – на сияющих, вообще, лучше не смотри. Выберешь – ослепнешь и перестанешь понимать зачем, их выбирал.

– Почему?

– Выберешь – поймёшь. Ты ещё их глаз не видел.

– А кстати глаза – почему они у всех закрыты? – спросил я. – И почему они все застыли?

– Я же тебе говорил. – Застыли потому, что пока потенциальные – минимум функциональности и самостоятельности. Сказали идти – идут. Сказали стоп – замерли. Можно считать, что их ещё и нет – этаким виртуальный образ, подготовленный для твоего ознакомления. А глаза закрыты, для безопасности. – Никогда не слышал о магии взгляда?

– Нет.

– Ну и не надо. Одно могу сказать – Пока они тебя не видят – всё хорошо. Как только увидят – всё – прицепятся – не отвяжешься, будут всю дорогу перед глазами мелькать.

– Вот вы сказали эти возможности – я кивнул на толпу за его спиной – подготовлены специально для меня. А кем они подготовлены?

– Ну вот, – ответил всадник. – Ты, как всегда, всё испортил. – Этим вопросом ты фактически про**ал все свои возможности.

Раздался страшный грохот, тёмное небо перерезало молнией пополам. Луна стремительно упала за горизонт, а из-за горизонта, скачком приблизилась тьма.

– Не обо всём можно спрашивать вслух! – крикнул он, пытаюсь перекрыть шум, истончаясь на моих глазах.

Вот и нет у меня последней возможности, мелькнула в голове нелепая мысль....

Дальше не было ничего необычного.

Я обнаружил себя в собственном кресле – в том самом кресле, в котором и начал своё погружение.

Прислушался к ощущениям. – Состояние безысходности возвращаться не собиралось, внутренние голоса успокоились, а настроение поднялось.

Потеря, о которой мне поведал всадник перед тем, как исчезнуть – не казалась страшной.

– Не возможности и были, – проворчал я, вспоминая их мерзкие рожи и передёрнулся от отвращения.

Но всадника было немного жаль. – Растаял прямо у меня на глазах, а вроде нормальный мужик был, думал я. – Немного грубоват, но в меру. Говорил по существу. Можно было и пообщаться.

Может быть, попытаться его вернуть?

Ведь я всё ещё не забрал трудовую книжку.

Пакетик чипсов

Не буду называть марку продукта, дабы не обидеть производителя, но предупреждаю сразу – терпеть маринованных крыс и тараканов в банках, как и хлеб с запахом плесени, я не намерен. О таких событиях будет немедленно сообщено, куда следует.

В данном же конкретном случае я не перехожу на частности только потому, что записка в пакетике чипсов – меньшее из возможных зол и носит довольно личный характер, и не относится, на мой взгляд, к продуктовой диверсии.

Кроме того, человек вложивший записку в пакет, оказался не лишён порядочности. – На обороте записки сообщалось: «Прошло термическую обработку, опасности инфекции нет».

Почему-то в это верилось сразу.

Но речь не об этом.

Я хотел рассказать, как некое глупое действие приводит к ещё большей глупости и о том, что накапливаясь, даже глупости могут переходить в иное качество и давать совершенно неожиданный результат.

Итак, всё началось вечером пятницы.

Игорь закончил свою трудовую неделю и по дороге домой купил десять по 0,5 л. банок любимого пива и три больших пакета чипсов (марку которых, по причинам, указанным выше, я называть не стану).

Неделя выдалась напряжённой, и он планировал нормально отдохнуть – никуда не выходя из квартиры – ни вечером пятницы, ни в субботу, разве что в магазин за пивом, если не хватит.

Войдя в квартиру и сняв с себя верхнюю одежду, он первым делом прошёл на кухню и загрузил восемь банок пива в холодильник. Мелькнула мысль приготовить что-нибудь на ужин, но он её отогнал. Сил на это уже не осталось, а голоден он не был. Пива же, напротив, ему очень хотелось.

Там же на кухне он вскрыл одну банку и сделал прямо из неё несколько мощных глотков. Отдышался немного и выпил ещё.

Стало чуть легче.

Пора было начинать отдыхать.

Он сходил в комнату и прикатил на кухню журнальный столик.

Поставил на него недопитую банку пива, рядом поставил полную. Немного подумал и достал из холодильника третью.

Вытащил из кухонного шкафчика салатницу и высыпал в неё целый пакет чипсов – получилось с горкой.

Кивнул удовлетворённо головой и поставил на журнальный столик и её.

Оценив то, что получилось, и в целом оставшись доволен, сказал сам себе:

– Мы за культуру питья.

Взял с полки пивной бокал и тоже поставил на столик.

Наполнил его пивом.

Расположил пивные банки вокруг него полуколыцом. Всё это, рядом с салатницей полной золотистых чипсов, выглядело и оригинально, и аппетитно, и очень, и очень привлекательно.

Немедля больше ни секунды, он покатил журнальный столик в комнату к дивану и телевизору.

Может показаться, что я слишком подробно останавливаюсь на незначительных деталях. Возможно.

Но делаю я это намеренно.

Я хочу, чтобы каждый видел, да и мне самому убедиться не помешает, что в тот момент мой незамысловатый герой был абсолютно нормален и вменяем. Он просто, как и многие из нас, после напряжённой трудовой недели захотел выпить пива, посмотреть телевизор, сидя в комнате на мягком диване.

Думал, между прочим, в отличие от многих других, и о приличиях, и о культуре, правда, только питания, но зато и об эстетике не забывал.

Он вальяжно развалился, залпом выпил пиво из бокала.

Похрустел чипсами.

Наполнил бокал снова.

Получилось только наполовину.

Первая банка закончилась, пришлось открывать вторую.

Хорошо пошло, подумал он.

– Если так пойдёт, нужно будет сгонять в магазин уже сегодня, – тихо сказал он сам себе.

Чокнулся со второй банкой и выпил ещё один бокал.

Дальше вспомнил, что забыл включить телевизор.

Взял пульт и включил.

Нашёл какую-то программу новостей и, понимая, что телевизор не главное, её и оставил.

Дальше опять пил пиво.

Первые три банки опустели быстро. Спустя время, опустели и следующие три. Оказался съеден и первый, и второй пакет чипсов.

Никакой записки он в этих пакетах так и не обнаружил.

Всё идёт очень правильно, думал он. – Пропорционально. – Каждые три банки – один пакет чипсов, а десятая банка пива в резерве, уже без чипсов, но эту десятую банку вполне можно назначить седьмой, решил он.

Сходил к холодильнику и принёс только её.

По пути, в коридоре поговорил со своим отражением в зеркале:

– Нормально отдыхаешь мужик, но не вздумай смешивать – ни напитки, ни процессы.

В этом залог твоего успеха!

Видимо, он уже достаточно набрался тогда.

Тем не менее, седьмая банка оказалась выпита.

Он взглянул на телевизор, прислушался.

Сообразил, что хочет пива ещё.

– Правильно, давно пора всё обновить! – воскликнул он, вторя диктору с экрана, говорящему что-то о переменах в Российской экономике.

И откладывать это никак нельзя, решил он. – Менять необходимо всё своевременно и по полной программе.

Собрал пустые банки, сложил их в салатницу, отнёс на кухню.

Достал полные банки из холодильника, взял оставшийся пакет чипсов и вернулся в комнату.

Наполнил бокал и вспомнил, что забыл принести салатницу.

Ладно, решил он, не до эстетики, а для культурного питания, отсутствие салатницы не помеха.

Опорожнил полбокала.

Решил закусить чипсами.

Вскрыл пакет, сунул в него руку и наткнулся на что-то странное.

От неожиданности выдернул руку и заглянул в пакет.

Там, в глубине, присыпанный золотистыми чипсами, просматривался уголок белой бумаги.

– Ну, ни хрена себе, качество гарантируем, – вырвалось у него. Захотелось срочно пойти в магазин и швырнуть там этот пакет прямо через прилавок в продавца.

– Точно, так и сделаю, – зло сказал он пакету, в подтверждение своему желанию. – Всё равно за пивом собирался.

Но любопытство пересилило.

Вместо того чтобы пойти в прихожую и одеться, он сделал ещё пару глотков пива.

Выудил с края пакета несколько чипсов и запихал их в рот.

Прежде чем идти, понял он, необходимо собрать все факты.

Снова сунул руку в пакет и, затаив дыхание, вытянул за белый уголок прямоугольный лист.

О..., да это послание, подумал он, увидев отпечатанный на бумаге текст.

Прочитал: «Прошло термическую обработку, опасности инфекции нет».

– И очень хорошо, что нет, хмурясь, пробурчал он. – Если бы «Да» – пришлось бы кому-то ещё и морду бить.

Он перевернул листок.

Само послание, как оказалось, было на противоположной стороне.

Одно короткое рукописное слово, на первый взгляд не объясняющее вообще ничего.

«Привет» – прочитал он.

– Привет, – автоматически ответил он невидимому собеседнику.

Но дальше этого дело не пошло и он глубоко задумался.

Причём задумался так глубоко, что не заметил, как допил всё оставшееся пиво, доел чипсы из третьей пачки, оделся и вышел из квартиры. Спустился по лестнице, обогнул свой дом и вошёл в магазин.

Всё это он проделал словно во сне.

И всё это время в его голове крутилось одно единственное слово и вопросы, следующие за ним. – Привет. – От кого привет? – Зачем? – Что за привет? – Что они имели в виду? – Что за намёк?

И дальше по новому кругу.

Только подойдя к прилавку, он снова включился. Включившись, он понял, что оставил дома пакет из-под чипсов и злополучную записку из него.

Предъявить продавцу оказалось нечего.

За прилавком, глядя на него, стояла милая девушка лет двадцати пяти – та же самая, вспомнил он, что и продала ему несколькими часами ранее пиво и чипсы.

Точно, осенило его. – Это она. Она всё это и проделала. Но вот зачем?

– Привет, – сказала девушка из-за прилавка.

Он даже подпрыгнул на месте, так неожиданно прозвучало это её приветствие.

Словно эхо.

Он ведь только избавился от этого навязчивого слова, звучавшего у него в голове и тут – На тебе. – Снова оно, никуда не делось. – Натё, пожалуйста. – Звучит опять, но уже из-за прилавка.

Он почти разозлился, но быстро взял себя в руки.

Это было необходимо.

Ему предстояло разобраться, зачем эта милая девушка подкладывает в чипсы записки.

– Привет, – выдавил он из себя с трудом, не очень понимая с чего начать.

Помолчал немного и не сдержавшись, добавил:

– Ну и зачем?

– Что зачем? – изобразила она святую простоту.

– Эти ваши приветы! – выкрикнул он.

Возможно чуть громче, чем следовало, ведь он был не совсем трезв.

Она молча пожала плечами и отвела свой взгляд.

Он увидел, что она немного обиделась.

– Ладно, проехали, – смягчаясь, добавил он. – Вы, между прочим, сразу мне очень понравились. Только вот эти приветы...

Она внимательно и удивлённо посмотрела на него.

Он на мгновение осёкся, но очень скоро продолжил:

– Приветы в чипсах, странно как-то, – мямлил он. – Можно же просто взять и познакомиться. Вот меня, например, Игорь зовут.

Она улыбнулась.

– А как зовут вас? – спросил он.

– Маша, – ответила она, всё ещё улыбаясь.

– А давайте Маша после вашей работы...

Она была вовсе не против....

И это, как впоследствии оказалось, был ещё один её коварный план.

За несколько лет они окончательно сблизились.

И хотя официальных отношений по-прежнему не планировали, к тому времени уже давно и безнадежно были счастливы вместе.

За эти годы она мягко и ненавязчиво заставила его бросить пить.

Его жизнь и, как следствие – её, поменяли своё качество.

Их совместный круг общения за эти годы тоже значительно изменился.

И всё бы было у них хорошо, но на третий год его отношений с ней, в их изменённый круг общения забрёл один тип.

Ей показалось, что этот тип значительно лучше Игоря. А Игорю показалось, что за это он ненавидит Машу.

В итоге они расстались.

Встречаются, правда, изредка, но при встрече говорят друг другу лишь одно и то же единственное слово – «Привет».

Глупость конечно, но, иное, наверное, и не предположить, зная, как начиналась эта история. А начиналась она несколько раньше встречи Игоря и Маши.

И дело было так.

На одном из заводов в российской глубинке, на конвейере по фасовке чипсов работала группа мужчин.

Они приехали в нашу страну на заработки и почти не говорили на русском языке. Лишь один из них кое-как мог объясняться и с большим трудом мог прочесть и написать несколько слов.

Как такое возможно? – спросите вы.

Если честно, не знаю и сам.

Боюсь даже предположить, но думаю, что все они были нелегалами.

Ну да Бог с этим.

Как бы там не было, это были хорошие парни, и им очень нравилась наша страна.

Настолько нравилась, что им очень хотелось хоть как-то, хоть кому-то об этом сообщить.

Думали они, думали и не придумали ничего лучше, чем рассылать в пакетиках чипсов послание.

Брали прямоугольники бумаги – наклейки с оптовых упаковок, на которых с одной стороны была пропечатана непонятная им надпись «Прошло термическую обработку, опасности инфекции нет» и на обороте писали одно из знакомых им слов «Привет».

На каждую тысячу пакетов, приходилось одно послание.

Мужчинам было весело, пока их не поймали за этим занятием и не депортировали, но их «приветы» до сих пор ещё гуляют по свету. – Цепляются за разных людей, вызывая у них

удивление, толкая иногда на глупые необдуманные поступки, которые время от времени дают совершенно непредсказуемый результат.

Палка для селфи

Сколько уже написано про этот предмет....

Пресловутая палка для съёмок самого себя.

Кому и зачем она нужна – отдельный вопрос – лично мне требовалось понять, почему я о ней думаю?

Учитывая, что фотографироваться я не люблю, а съёмки самого себя мне даже представить сложно, желание её иметь, по меньшей мере, странно.

Я весь извёлся, отгоняя свои мысли от неё, она оказалась очень навязчивой. Я почти её купил, несмотря на все свои разумные доводы. Почти сдался, рассчитывая, что оставшись дома с ней один на один, смогу разобраться и понять, что этой вещи от меня нужно.

Почти....

Но настал момент, и потребность в ней отпала сама собой.

Теперь она мне не нужна!

Вернее, не так, она мне понадобится один единственный раз для написания этой статьи. Дальше, потребности в ней у меня не возникнет. Но и здесь мне нужна не обязательно реальная палка. Вполне сойдёт и воображаемая.

Как я не понял этого раньше, только мучился зря. Уж, в воображении, этого добра я могу выдумать сколько угодно – любой формы и конфигурации.

Воображение мощная сила. Позволяет не только представить или вообразить любой предмет, но и смотреть со стороны. Причём, в различных вариациях – просто на себя, на себя, в какой-либо ситуации, просто на ситуацию, как угодно. – Фантастический инструмент для наблюдения.

Итак, включаем воображение и видим:

Обычного человека, который просто живёт. Ходит на работу, занимается разными стандартными делами, отдыхает.... – Неважно, что он делает, важно, что он находится в потоке жизни.

Это может быть человек, гармонично вписанный в этот жизненный поток. Человек, которому в целом его жизнь нравится, который цепляется за неё, стараясь не отстать. Умеет двигаться по жизни плавно, с нужной скоростью – Это идеальный случай и идеальный человек и нам он неинтересен.

Хотя, если быть честным перед собой, мне такие люди симпатичны, я даже, им немного завидую. Они меня не любят, а я им в отместку Но кому это интересно и сейчас я хотел рассказать о другом?

Продолжаю.

Второй тип – «торопыги».

Люди, пытающиеся обогнать жизненный поток.

Такие люди были всегда, были «торопыгами» и вымышленные персонажи.

Один из ярких примеров, известный многим – Торопыжка из Солнечного города – друг Незнайки из произведения Н.Н.Носова.

Что сказать о них? – Да, ничего хорошего. – Пытаются обогнать саму жизнь, хотя, могли бы понять, что, будучи сами живыми, являясь фрагментом жизни, пытаться обогнать целое – глупо. Это всё равно как, двигатель машины станет обгонять машину. Или, как какой-нибудь горный хребет планеты Земля, захочет обогнать саму Землю, движущуюся по своей орбите – полная чушь.

Натыкаются на невидимую стену, разбивают носы.

Часто слышат вдогонку: «Куда прёшь»?

Или что ещё хуже: «Ну, что ты вечно лезешь вперёд паровоза»?

Обижаются, но сделать с собой не могут ничего.

Мне... – одинокая слеза стекает на подбородок... – даже немного их жаль.

Шлёпаю себя по щекам, резко говоря, приводя, тем самым, себя в чувство, – Ну ка, не раскисать, отбросить эмоции, тебе ещё писать и писать...! Ещё увязывать написанное с ненавистой палкой для селфи...!

Делаю, как решил – пишу дальше.

Третий тип – «тормоза».

Мой любимый тип, к которому принадлежу и я сам.

Мы неплохие люди и вовсе не медлительные, как считают многие, задумчивые – да, но что тут плохого.

Бывает, встанешь столбом поперёк проспекта – все кричат, ругаются, а тебя там и нет. Задумался, воображение выбросило из реальности, а когда вернёт неизвестно.

Среди нас немало известных людей. Философы, поэты, писатели. Есть даже известные политики. Приводить фамилии не буду – не всем нравится, когда его называют «тормозом».

Мы можем то, что людям, подстроившимся под жизненный поток, а «торопыгам» и подавно, недоступно. – Мы можем, глядя вслед ускользящим событиям, понять их природу. Разглядеть детали, разобраться в них.

Конечно, это непросто. Очнувшись от своей задумчивости, нам приходится догонять события. Это получается не всегда. Бывает, что в том или ином событии для нас уже не оказывается места.

Мы не расстраиваемся, мы уже привыкли к такому, как привыкли и к тому, что наши открытия не очень-то и нужны.

Ничего, переживём, немного обидно, ну да ладно, ничего страшного. Лично я, с этим справиться смогу.

Меня пугает другое.

Как представлю – мурашки по коже.

Ведь может получиться так, что мне, в ускользящем потоке, попадётся на глаза что-то настолько сложное и интересное, что я застыну, задумавшись на очень длительное время. События пройдут мимо меня и скроются за горизонтом, а я безнадежно отстану от них. Мир начнёт рушиться под моими ногами.... В какой-то момент, мои ноги потеряют опору, и я начну падать в бесконечную черноту....

И вот именно здесь, в этот самый момент, мне и понадобится палка для селфи с прикрученным к ней фотоаппаратом – зафиксировать напоследок своё перекошенное от удивления лицо.

Кузьмич

Началось всё это очень давно. Тысячу лет назад, а быть может и значительно раньше. – В те самые времена, когда были созданы хитрые формулы, позволяющие любому случайно брошенному в подходящий момент слову, обрести невероятную мощь и значение. Этого не помнит почти никто. До наших дней дошли даже не обрывки этих знаний – обрывки воспоминаний о них. Нет больше хранителей, оберегающих эту страшную тайну – сгинули, ушли, покинули нас навсегда, но формулы остались. – Такая вот маленькая подлость оставленная древними магами человечеству. Но, возможно, я напрасно обвиняю их. Ведь чтобы формула, описывающая хитрый закон заработала, нужны особые условия. Множество составляющих должно сойтись в одной точке, а вероятность такого совпадения крайне мала. – Вот маги и не удосужились отменить свои древние законы, оставили свои волшебные формулы, считая, что вряд ли они смогут кому-то навредить.

Суки!

Они-то теперь далеко, а я вот попался.

И виноват в этом только Кузьмич!

Но всё по порядку.

И я буду последователен и начну издалека.

Многие уже, наверное, и не помнят, что было в прошлом веке в конце восьмидесятых годов, но я не забыл. Я до сих пор ясно вижу, как неведомая сила ударила исподтишка сразу по всем направлениям, и в результате рухнуло всё.

Государство – большое, привычное, может быть на чей-то взгляд и неказистое, но родное, казавшееся незыблемым – закачалось, треснуло по всем швам и рассыпалось на тысячи обломков, вывалив наружу то, что было у него внутри.

Неприглядная картина – груды ужасно пахнущих обломков, под которыми те, кто оказался поглазастей и похитрей, смогли разглядеть несметные богатства. – В самый первый момент они оказались ничьи, но мгновение спустя... хозяева уже определились и почти сразу...

Но меня опять куда-то заносит. – Кому интересно слушать про несметные богатства и их хозяев? – Никому. – Лично меня это не касается. – В любом случае мой рассказ не об этом.

Для меня те годы интересны другим.

Они пришли и из магазинов как-то очень быстро исчезли продукты, встали заводы, а само существование поменяло свой смысл.

Миллионы людей растерялись.

Прямая зависимость – работа – деньги – товар, перестала существовать. И хотя работа кое-где ещё оставалась, но денег уже стоила не тех. На те деньги, что за неё платили, стало невозможно ничего купить – они перестали выполнять свою функцию эквивалента. – Продавцы по привычке ещё иногда брали их, но видя, что толку от этого почти нет, судорожно поднимали цены. – Но и это почти не давало результатов. – Смутное время. – Никто ещё не знал тогда, что и как нужно делать – всё было впервые, в диковинку. – Требовалось разобраться. Путаница и неопределённость нарастали. И когда они достигли своего максимума, торговля встала тоже. Наступило время полного экономического штиля. – Остановилось и бездействовало всё.

Многие могут со мной не согласиться и сказать, что это неправда, что никакой такой полной остановки не было и в помине. – Я с ними даже спорить не хочу, пусть помнят, что хотят, а я знаю наверняка. – Остановка была, но была очень короткой – не больше минуты. –

Остановка перед началом нового пути. – Всё замерло на старте – перегруппировалось и рвануло вперёд, а люди устремились следом.

Кого-то затоптали, кто-то просто отстал, кто-то, как я – остался стоять на месте и вовсе никуда не побежал – таких было подавляющее большинство.

Мы стояли и смотрели, разинув от удивления рты, как наш привычный, любимый нами мир, уносится от нас куда-то ..., оставляя нас на произвол судьбы.

Пытаться догнать? – Не получится.

Стоять на месте столбом? – Нет никакого смысла.

И я потихонечку пошёл.

Шаг, другой, третий. Неуверенно, затем всё смелее и смелей. – Не глядя по сторонам, не ища поддержки. Я просто не знал где её искать в новых обстоятельствах.

Но это аллегория, а если говорить по-простому, всё получилось случайно. – Я как-то раз, вышел на лестницу покурить и нос к носу столкнулся с соседкой из соседней квартиры.

– Что, всё куришь? – спросила она.

– А что ещё остаётся? – Только курить, делать всё равно нечего.

Надо сказать, что за несколько дней до этого, я потерял работу. Контора, где я занимал должность инженера – закрылась, и я совершенно не знал, как жить дальше.

– Делом надо заниматься, – сказала она.

– Да какие сейчас дела? – Работы нет, а где есть – не платят, а где платят – всё равно толку нет – заработаешь копейки, на которые ничего невозможно купить.

– А ты заработай не копейки, а рубли, глядишь и полегче станет.

– Это как? – спросил я.

– Зарабатывать нужно много, – добавила она.

– Интересно! А где-то есть такие возможности?

– А вот пошли завтра со мной, сам и увидишь.

Это было похоже на чудо и в это верилось с трудом, но что мне было терять? – Естественно, я согласился. – Согласился и пошёл вместе с ней, надеясь в глубине души, что есть место, где существует то, на что она намекала.

*

Мы спустились в метро, и приехали на станцию «Гостиный двор». По подземному переходу прошли к эскалатору, и вышли на поверхность у канала Грибоедова. Прошли несколько десятков метров по набережной и оказались у парадного подъезда внушительного пятиэтажного здания.

Я чувствовал себя не в своей тарелке. – Офисное здание в самом центре Санкт-Петербурга, в двадцати метрах от Невского проспекта – я уже начал догадываться, куда и к кому мы пришли.

– Да, не дёргайся ты так, – сказала Лена, видя моё состояние. – Всё будет хорошо. Организация солидная и люди, которым она принадлежит очень серьёзные, но там всё по-простому, главное держись естественно.

– А что за организация?

– А..., так вот, что тебя беспокоит? – Не волнуйся, криминал никто тебе предлагать не станет.

С этими словами она открыла дверь, и мы вошли.

Охранник в камуфляже лет сорока, оказавшийся за входной дверью, отдал моей спутнице честь.

– Знакомься Кузьмич, – сказала она. – Это Володя и, скорее всего, он будет работать у нас. – Прошу любить и жаловать.

– Принято, Елена Николаевна, – ответил он. Осмотрел меня с ног до головы и отдал честь и мне.

Так я в первый раз встретился с этим человеком.

В тот момент я скользнул по нему взглядом и отвернулся. – Мне не был интересен охранник на входе. – Такой же неудачник, как и я сам. – Мне следовало держаться от таких людей подальше, ведь я мечтал перейти в другую категорию.

Мы поднялись на пятый – последний этаж. Прошли по коридору и остановились у двери с золотой табличкой «Заместитель Директора по работе с кадрами».

– Минутку подожди, – сказала Лена и скрылась за дверью.

Действительно прошло не больше минуты, как она вышла обратно.

– Ну что, готов?

Я пожал плечами.

– Если готов – пошли.

Кабинет заместителя директора был огромен и сиял неброской роскошью. Всё в нём казалось новым и дорогим. Несколько шкафов вдоль стен с аккуратными корешками папок, хранящих наиважнейшие документы, чёрный кожаный диван, стол для заседаний из натурального дерева, упирающийся в письменный стол ему под стать. Даже паркет, на который мы ступили, робко перешагнув порог двери, казался исключительным, ходить по нему было неловко.

Мы стояли у входа – перемещаться в этом кабинете без особых причин не следовало.

– Ну что застыли, как не родные? – услышал я голос, доносящийся из глубины кресла, стоящего за письменным столом.

Самого человека я в первый момент даже не заметил. Во-первых, было далеко, а во-вторых, он в своём чёрном костюме, почти сливался с окружающей его обстановкой.

– Подходите ближе, присаживайтесь.

Мы так и сделали, усевшись за стол для заседаний на значительном отдалении от хозяина кабинета.

– Вот, Фёдор Денисович, привела, как вы и просили, – сказала Лена. – Молодой перспективный, без излишних амбиций, инженер. Специальность как раз по профилю – строитель.

– Ну, это мы ещё посмотрим, что он за инженер и что он за строитель, – обратился человек к моей спутнице.

– А вот скажите, что такое «ростверк»? – обратился он уже ко мне.

– Верхняя часть свайного или столбчатого фундамента, объединяющая его в единую конструкцию, как правило, подразумевается, что он из монолитного железобетона, но это понятие несколько шире, – ни секунды не задумываясь, ответил я.

– Неплохо. А что такое «фахверк»?

– Если говорить о металлоконструкциях, то это ограждающие конструкции, встроенные в несущий каркас. Являются основой для монтажа, например, стеновых панелей, если говорить о деревянных конструкциях, то...

– Достаточно, – оборвал меня человек из кресла. – Вижу, что кое-что вы знаете и это хорошо. Можно сказать, что это необходимо, но для моих целей не главное. – Вы бизнесом когда-нибудь занимались? – совершенно неожиданно, без перехода, спросил он меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.